

**ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АНАГРАММЫ: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
И ТЕКСТОПОРОЖДАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ»
(Калининград, 15 – 16 сентября 2014 года)**

В Институте гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта 15–16 сентября 2014 года состоялась Первая конференция «Анаграммы: семантическое варьирование и текстопорождающие возможности», которая проводилась в рамках проекта РГНФ 14-04-00124 «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности». Открыла конференцию ее организатор, доктор филологических наук, профессор Мария Алексеевна Дмитровская. Она отметила стоящие перед участниками задачи: четко очертить предмет исследования, отделив для этого анаграммы от смежных явлений, рассмотреть функционирование анаграмм в различных видах текстов, дать содержательную интерпретацию обращения создателей текстов к анаграммам, рассмотреть семантическое варьирование и роль анаграмм в процессе текстопорождения.

В секции 1 «MoRGeNGRaueN: MaRGiNальна ли aHaГPaMMa?» первым выступил доктор филологических наук, профессор БФУ им. И. Канта *Владимир Хамитович Гильманов* с докладом «Анаграмма в дискурсе “скрытой теологии” барокко (на примере поэтического кружка Кёнигсберга XVII века)», который был посвящен попытке связать анаграмму с парадигмальной тайной поэзии барокко. По утверждению докладчика, суть анаграммы на данном этапе – особый вид поэтического мимезиса, отражающего сущностно-онтологический разлом бытия, который открывается прежде всего в самом лирическом «Я» поэтического субъекта. Поэт переживает и открывает себя как знак тавтологического раздвоения в неравенстве «внешнего» и «внутреннего» человека (2 Кор. 4: 16). В анаграммах имен кёнигсбергских поэтов XVII века – Симон Дах = «Хасминдо», «Сихамонд», «Исхмандо», Роберт Робертин = «Берринто», Андреас Адерсбах = «Бархедас» и др. – ясно распознается горько-ироничное отображение этого антропологического неравенства, объясняющего в том числе самоназвания их поэтического кружка – «Тыквенная хижина» и «Ревнителю бренности». В отличие от ренессансной концепции поэзии как «скрытой теологии», восстанавливающей «магический круговорот» бытия (Мартин Опиц), «ревнителю бренности» осознают себя и свой поэтический логос как свидетельство невозможности этого восстановления по причине нарастающего раскола единства мира, дающего о себе знать в мимезисе барочного поэтического гнозиса. Анаграммы их имен – иро-

нично-барочное отражение новой «скрытой теологии» поэзии, открывающей в своем мимезисе усиливающуюся неадекватность человека своей истинной сути и вызванное этим усиление динамики поворота мира к эсхатологическим пределам, очерченным в «Откровении от Иоанна Богослова»¹.

В докладе доктора филологических наук, профессора БФУ им. И. Канта *Геннадия Ивановича Берестнева* «Либо дупеля, либо пуделя: типы анаграмм в пословицах и поговорках» было отмечено, что обращение к проблеме анаграмм ставит исследователей перед широким кругом вопросов, которые можно сгруппировать в несколько ключевых проблемных областей. Одна из них организуется вокруг вопроса: каковы границы анаграмматических построений и с точки зрения внутриязыковой, и внешней, межъязыковой? В первом случае предстоит понять, какие еще языковые явления имеют отношение к анаграммам. Во втором доказывается, что анаграммы функционируют не только в рамках отдельного языка, но могут быть более широкими и допускают межъязыковые взаимодействия. Рассмотрение этого вопроса во внутриязыковом аспекте и составило общую цель доклада. Материалом послужили пословицы и поговорки.

В.Н. Топоров настаивал на том, что при обращении к данной проблеме следует уходить от рассмотрения «приблизительных» анаграмм, доказательность которых оказывается еще более сложной. Докладчик выразил мнение, однако, что в отношении малых фольклорных жанров это положение меняет свою значимость. С одной стороны, пословицы и поговорки исключительно насыщены содержательно, а с другой — жестко ограничены в размерах. Вследствие этого в текстах подобного рода и «степень анаграмматичности», и общее устройство анаграмм отличаются от обычных.

Далее докладчик показал, что как русские, так и английские пословицы и поговорки обнаружили в своем звуковом устройстве восемь типов анаграмм.

1. Анаграммы, различающиеся тремя и более фонемами; порой приходится говорить даже не о различающихся фонемах в таких словах, а наоборот, о немногих одинаковых. Ср.: *Борода выросла, а ума не вынесла; В родню толст да не в родню прост.*

2. Анаграммы, различающиеся двумя фонемами. При этом в сильной позиции в соответствующих словах стоят обычно одни и те же единицы. Ср.: *Кого мимо, а Мину в рыло; Брови нависли — злоба на мысли.*

¹ Полное содержание доклада В.Х. Гильманова представлено в его статье в настоящем сборнике.

3. Анаграммы, различающиеся одной фонемой. Подобные различия могут иметь самые разные качества. В частности, они могут различаться с о г л а с н ы м и — *Наелся, как бык, и не знает, как быть*. Слова, связанные подобными анаграмматическими отношениями, могут различаться и г л а с н ы м и — *Кому чудо, а нам чадо*.

4. Анаграммы, в которых перестановка звуков в словах сочетается с введением в базовый комплекс дополнительных согласных: *Метил в ворону, а попал в корову* (ВРи — кРВ).

5. Анаграммы, образованные повторяющимися согласными, которые лишь имеют разный порядок. Ср.: *Хватил слепой спелой ягоды виндерюхи; Либо дупеля, либо пуделя*.

6. Случаи, когда имеющемуся сочетанию в одном слове соответствует такое же сочетание в другом, но с дополнительной согласной: *Эти рога были на нашем торгу; Достают хлеб гóрбом, достают и горлом*.

7. Анаграммы, представляющие собой сложные перестановки, реализующиеся в пределах соотносимых слов — *Заплаточки с лоскуточками беседуют* (запЛаТОЧК — ЛоскуТОЧК); *Уедно псу, да неужелно* (УЕдНО — УлЕжНО).

8. Такие случаи, при которых в анаграмматические отношения вступают не отдельные слова, а слово и словосочетание или два словосочетания: *Надобно жить как набежит* (НадоБно ЖиТЬ — НаБеЖиТ).

Завершая рассмотрение данного вопроса, докладчик выразил мысль о том, что благодаря анаграммам в тексте не только шифруются те или иные наименования, но также устанавливаются более тесные формальные и смысловые связи между словами. Кроме того, в пословицах и поговорках анаграммы выполняют как бы «обратную» функцию по сравнению с древними сакральными текстами — ориентируют их содержание на глубинные уровни человеческой ментальности, особым образом активизируя мыслительную деятельность носителей языка.

В докладе доктора филологических наук, профессора БФУ им. И. Канта *Марии Алексеевны Дмитровской* «Язык искусства как искусственный язык: основания использования мультязыкового анаграмматического кода (случай Николая Кононова)» был поставлен вопрос, неотделимый от исследования работы мультязыкового кода в произведениях Н. Кононова и связанный с выявлением содержательных обоснований использования этого кода писателем. Центральная мотивировка отсылает нас к эпизодам Священной Истории, связанным с обретением языка как единого нераздробленного целого: практике ветхозаветных пророков, говорение на незнакомых языках при схождения Святого Духа на Пятидесятницу и адамическому первоязыку, предшествовав-

шему смешению языков при Вавилонском столпотворении. На материале романа «Фланёр» и рассказа «Амнезия Анастасии» были прослежены скрытые механизмы кодирования одного из важнейших условий использования мультязыковых переходов — это охват действием всего мира. В рассказе «Амнезия Анастасии» содержатся также скрытые отсылки к искусственным языкам международного общения — эсперанто и идо. Мультязыковой код знаменует возврат к адамическому состоянию языка, в котором потенциально содержатся все языки мира. Одновременно это своеобразный искусственный язык. Они является языком искусства у Николая Кононова.

В секции 2 «Fingo verba: с-ложность с-отворения с-лова» был заслушан доклад аспирантки кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта *Наргизы Абдумаликовны Темировой* «Анаграмматика игры в произведениях Николая Кононова». Выступление было посвящено рассмотрению игровых репрезентаций концепта «игра», в основе которых лежит прием анаграммирования как важнейший среди механизмов текстопорождения у Н. Кононова. На материале рассказа «Два часа», входящего в книгу рассказов «Саратов», были рассмотрены следующие анаграмматические переходы: 1) *игра* — *Игорь*. Описание внешности Игоря, его поведения, манер, само развитие его отношений с повествователем строится на обыгрывании различных видов игры: шахматной игры, игры на музыкальных инструментах и актерской игры в театре. 2) *Игра* — *гореть*. Тема горения проходит сквозь весь рассказ, где физическое оказывается тесно связанным с эротическим, что проявляется в употреблении лексем «огонь», «жар», «сияние», «вспышки», «искры». 3) Анаграмматический переход *игра-герой* педалирует вопрос о героях повествования, усиленный переключками с «Героем нашего времени» М. Ю. Лермонтова, о недостоверности повествования и идее двойничества, проходящей через весь рассказ.

Рассматриваемые анаграммы функционируют не изолированно, а тесно сопряжены, взаимопроникают друг в друга. Именно концепт игры в его игровом структурировании организует текст и выводит читателя на онтологические вопросы о существовании / несуществовании.

Доклад аспирантки кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта *Инги Денисовны Шульги* «Пальма первенства: способы анаграмматического кодирования авторского присутствия в рассказах А. С. Грина “Фанданго” и “Серый автомобиль”» был посвящен описанию скрытой семантической матрицы, лежащей в основе произведений А. С. Грина, материалом для которой служит мультязыковое анаграммирование писателем собственной фамилии и псевдонима — *Гриневский, Грин*. Лексема *Грин* является межъязыковым омонимом к

англ. *green* («зеленый»), которое организует связи между словами *palma* («пальма»), *greenhouse* («парник») и его синонимом *conservatory*, а также лексемой *orangery* («оранжерея»), как местами, в которые писатель помещает своего героя (самого себя). Общность обоих рассказов выявляется на основе выделения единого для обоих произведений концепта руки (*palma*). Все имена собственные в произведениях, а также свойства субъектов и объектов (цвет автомобиля, цвет кожи Бам-Грана) через анаграммы связаны с писательским псевдонимом Гриневского и формируют образ автора, помещающего себя в игровое пространство текста. Анализ доказывает обоснованное использование Грином межъязыкового анаграмматического кода как центрального метода, с помощью которого автором формируется языковой материал, лежащий в основе развертывания сюжета и текста.

Работа секции 3 «Видимо, невидимо: к слову приказ снись» открылась докладом кандидата исторических наук, доцента БФУ им. И. Канта Ильи Олеговича Дементьева «Между Сербией и Бруссией: анаграмматический код “Хазарского словаря” Милорада Павича». Было отмечено, что анализируемый роман (1984) принадлежит к числу классических произведений постмодернистской литературы. Многие исследователи реконструируют югославский подтекст «Хазарского словаря», однако прусский подтекст остается незамеченным. Отсылки к нему носят в романе эксплицитный характер, а также могут быть обнаружены в процессе декодирования с использованием мультиязыкового анаграмматического кода. По замечанию М. А. Дмитриевской, названия «Пруссия» и «Сербия» являются анаграммами (ПРС – СРБ), и в тексте романа эту пару дополняют другие значимые топонимы и этнонимы: *Сарматия*, *Берзилия*, *сабир* (тюркское название хазар). Говоря о хазарской истории, М. Павич отсылает читателя не (с)только к сербскому (югославскому) историческому опыту, но и к опыту Пруссии и пруссов. Столица Пруссии – Кёнигсберг, в котором якобы было выпущено первое издание «Хазарского словаря» в 1691 году, имеет множество двойников в художественной топографии романа. Само слово *Кёнигсберг* (нем. «королевская гора») может быть прочитано как «гора хазарского кагана» (*König* – анаграмма слова *kagan*). Еще одна анаграмматическая игра связана с янтарной темой, сближающей Янтарный край (Пруссию) и Сербию. Сербское слово *čilibar* («янтарь») появляется в романе только один раз – в финале, где оно используется в характеристике улыбки одного из ключевых персонажей («улыбка, плененная бородой, как жучок – янтарем», здесь и далее перевод Л. А. Савельевой). Слово *чилибар* – анаграмма к топониму *Челарево* (CLBR – CLRV), которому посвящена отдельная статья словаря. Это

бывшее хазарское поселение находится на территории современной Сербии, и согласно роману в нем археологами было обнаружено средневековое кладбище хазар — «могилы пропавших, конченных людей, каковыми и были хазары на том месте, а возможно, и в то время».

Судьба Пруссии позволила Павичу проиллюстрировать судьбу маленького народа, теряющего и язык, и государственность, и имя в условиях соперничества великих держав и великих религий. Используя мультиязыковой анаграмматический код, Павич в художественной форме формулирует постмодернистскую аксиому относительности всяких смыслов в универсуме: захоронения лишенных этнической идентичности анонимов в Челарево — это «низ низов», город правителя на горе — это «верх верхов», однако между ними нет разницы: достижение целостности через письмо неизбежно ведет к смерти. Созданный в Сербии роман, в основе сюжета которого лежит печальная история Боруссии, будет умножать число интерпретаций, придавая бессмертие ушедшим, казалось бы, в небытие на фоне становления и распада великих держав народам.

В докладе кандидата филологических наук, доцента *Ирины Юрьевны Вертеловой* «Анаграмматический принцип в сонетах Серебряного века» рассматривались анаграмматические игры с функциональной точки зрения. В частности, использование анаграмм дает возможность зашифровать имя, как, например, в цикле «Золотые завесы» Вяч. Иванова и в сонете «Калиостро» из цикла «Медальоны» Валериана Бородаевского; анаграмматические комплексы используются как звукопись, например в сонете «Бесприютность» К. Бальмонта или в двух сонетах Ивана Грузинова «Бубны боли» и «Жернова заржали жаром»; благодаря анаграмматическому принципу устанавливаются тесные семантические отношения между словами, объединяющими их в ассоциативно-смысловые поля, как в сонете Иннокентия Анненского «Черный силуэт» из цикла «Кипарисовый ларец», в сонетах Федора Сологуба и Игоря Северянина. Все это усиливает художественную функцию поэтического текста. В результате анализа устанавливается, что в сонетах Серебряного века анаграмматический принцип можно рассматривать как средство построения текста, его внутренней организации; анаграммы устанавливают тесные формальные и семантические отношения между словами, объединенные одним контекстом; разгадывание анаграмм позволяет выявить имплицитные содержательные уровни текста.

Работа секции 4 «За ложь nick вечности: ad infinitum / ад infinitum» открылась докладом учителя МАОУ СОШ №36 *Алисы Вадимовны Скрабиной* «"Кто был ничем, тот станет всем" (анаграмматическое

варьирование и смысловая иррадиация слова *ничего* в произведениях Николая Кононова)». В докладе рассматривались способы анаграммирования ключевых слов в прозе Н. Кононова. Особое внимание было уделено отрицательному местоимению *ничего*. Для Н. Кононова важно, что местоимение отличается от всех других обозначений, оформляемых языком тем, что оно не соотносится ни с понятием, ни с индивидом. Это позволяет Н. Кононову с успехом применять различные текстовые стратегии, связанные с переходами «имя — безымянность». В докладе рассматривались следующие анаграмматические переходы: *ничего — Овечин — увечен — вечен* — и предлагалась их содержательная интерпретация.

Совместный доклад учителя МАОУ СОШ №6 Калининграда *Натальи Эдмундовны Мурзич* и доктора филологических наук, профессора *Марии Алексеевны Дмитриевской* «Срамота в Сарматии: анаграмматический комплекс *СМРТ* в книге рассказов Ю. Буйды “Прусская невеста”» был посвящен рассмотрению единства брачно-похоронной семантики в книге Ю. Буйды. Это единство явлено в анаграмматическом комплексе *СМРТ*, который связан, с одной стороны, со *смертью*, а с другой — с производительным низом человека (*срам, срамота*). Включенность в анаграмматическое варьирование слова *Сарматия* как встречающегося у античных авторов обозначения земель между Вислой и Неманом (приблизительно совпадающих с территорией Восточной Пруссии) позволяет рассматривать брачно-похоронную семантику в тесной связи с аграрными культурами.

В докладе подробно были рассмотрены лексемы, включающие анаграмматический комплекс *СМРТ*, и их семантический потенциал. Так, в одноименном рассказе, открывающим книгу «Прусская невеста», встречаем тринадцатилетнего гробокопателя по прозвищу *МаТРаС*, анаграмматическая составляющая смерти поддерживается и сюжетом трагедийной «встречи» с мертвой невестой-трупом на кладбище. Семантика смерти прослеживается и в рассказе «Андрей Фотограф». Герой обозначен автором как *МаСТеР СМеРТу*, поскольку выдает запечатленные мгновения жизни; примерно в этом ракурсе можно рассматривать и Ивана Ивановича Голубефа («Через «Фэ»), расписывающего мертвые тела в морге, превращая их в предмет искусства, в том числе и тело своей возлюбленной Таньки *МаТРоСки*. Семантика смерти усиливается здесь выявляется и через связь антропонима *Матроска* с морем (ср. слова с омонимичным корнем *морить-умервцлять*). Однако и сама *Матроска* составляет пару с *Голубефым* не только в сюжетно плане, но и в семантическом, поскольку *Матроска* — жена или подруга матроса, таким образом сам *Голубеф-матрос*, только его

невеста весьма непостоянна (прозвище *Матроска* имплицитно актуализирует идиому *поматросить и бросить*). С морской стихией связан и *С(тёна) МаРаТ*, женившийся на пьющей Нате Корабельниковой, они также составляют семантическую пару. Она – Корабельникова (корабельник = *МаТРоС*), он – служил на легендарном линкоре «Марат» *МаТРоСоМ*. Рассказ заканчивается смертью Стёпы, поднимающего солнце (предположительно, по тексту – в *МаРТе*). Признак нечистоты (*СРаМоТы*) имплицитно распространяется и на героиню Буяниху через интертекстуальные связи с рассказом Л. Андреева «Буяниха», где героиня являлась проституткой и именовалась *МаРией* и *МаРгаРиТой*. У Буйды Буяниха является «непорочной девой», однако муж ее носит признак нечистоты, он ассенизатор. Морская (водная) стихия и стихия земли у Ю. Буйды сопрягаются как имеющие отношение к рождению и смерти.

Совместный доклад доктора филологических наук, профессора *Марии Алексеевны Дмитровской* и аспиранта БФУ им. И. Канта *Виталия Валерьевича Витковского* «Смерть в вене: мультязыковое кодирование и анаграмматические основания “венецианского текста” в рассказе Юрия Буйды “Все проплывающие”», представленный в заключение конференции, содержал объяснения авторских принципов анаграммирования, лежащих в основании «венецианского текста» названного рассказа. Значительное внимание было уделено смысловым анаграмматическим связкам *amor* «любовь» – *mare* «море» – *mors* «смерть», встроенных автором в русло любовно-брачно-похоронной семантики, поддерживающейся анаграмматическим единством между словами *Венеция* – *невеста* – *венец*. Были представлены вариативные способы семантизации фамилий, топонимов, атрибутов и цветовых номинаций, способствующие обнаружению скрытой семантики текста. Указано на имплицитные и эксплицитные интертекстуальные связи между рассказом Ю. Буйды, новеллой «Смерть в Венеции» Томаса Манна, стихотворениями «Венеция» А. Блока и Б. Пастернака и «Эпиграммой. Венеция 1790» И. Гёте.

Конференция завершилась подведением итогов и образованием Балтийского анаграмматического кружка.

Проф. М. А. Дмитровская